

Громогласов И. М. Кое-что о современном расколе и сектантстве и о борьбе с ними: (По поводу трех миссионерских отчетов) // Богословский вестник 1897. Т. 1. № 2. С. 335–361 (3-я пагин.). (Окончание.)

Кое-что о современномъ расколѣ и сектантствѣ и о борьбѣ съ ними.

(По поводу трехъ миссіонерскихъ отчетовъ)

III.

Третій отчетъ, поименованный нами въ началѣ статьи, по свѣдѣніямъ, заключающимся въ немъ, и по своей литературной формѣ отличается отъ другихъ уже разсмотрѣнныхъ. Это не отчетъ цѣлаго миссіонерскаго Братства, отъ котораго мы въ правѣ ожидать подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о *всѣхъ* видахъ мѣстнаго раскола и сектантства и *полнаго* очерка мѣръ, какія къ нимъ примѣняются. По своему происхожденію и литературной формѣ это одинъ изъ тѣхъ миссіонерскихъ дневниковъ или „путевыхъ журналовъ“, о возможномъ значеніи которыхъ для уясненія разныхъ вопросовъ, касающихся современнаго раскола и сектанства, мы говорили выше. Сказаннымъ виолнѣ опредѣляется какъ содержаніе подлежащаго теперь нашему разсмотрѣнію „отчета“, такъ и порядокъ распредѣленія въ немъ этого содержанія. Составитель Отчета, противосектантскій миссіонеръ о. С. Никольскій въ хронологической послѣдовательности рассказываетъ о посѣщеніи имъ, въ 1895—6 г., съ миссіонерскою цѣлью, разныхъ мѣстностей Ставропольской епархіи, сообщаетъ собранныя имъ свѣдѣнія и личныя наблюденія надъ мѣстнымъ сектантствомъ—его бытовою стороною и вѣроученіемъ, передаетъ кратко, а иногда и весьма подробно, почти въ буквальной записи, свои бесѣды съ сектантами о предметахъ религіозныхъ разномыслий, излагаетъ по пути—мимоходомъ, по тому или другому поводу—свои личныя соображенія касательно мѣръ, полезныхъ для

успѣха миссіонерскаго дѣла вообще и въ мѣстномъ краѣ въ частности, и т. п.,—словомъ, отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ все то, что ему случалось видѣть и узнать и о чемъ приходилось размышлять при выполненіи своихъ обязанностей, въ своихъ миссіонерскихъ поѣздкахъ. Здѣсь есть даже не мало такого, что не имѣетъ *прямого* отношенія собственно къ сектанству и противосектантско-миссіонерскому дѣлу и что, поэтому, въ миссіонерскомъ отчетѣ могло бы быть и опущено... Разумѣется, все свѣдѣнія перечисленнаго сейчасъ содержанія, находящіяся въ „Отчетѣ“, какъ собранныя однимъ лицомъ и стоящія въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ кругомъ личной противосектантской дѣятельности о. миссіонера, не даютъ *полной* картины состоянія мѣстнаго сектанства и церковно-миссіонерской борьбы съ нимъ; но они даютъ все-таки не мало яркихъ и живыхъ подробностей, не лишенныхъ значенія для уясненія условій существованія мѣстнаго сектантства, содержанія его вѣроученій, отношенія его послѣдователей къ противосектантскимъ церковнымъ дѣтелямъ и—наоборотъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи настоящей статьи мы постараемся сгруппировать нѣкоторыя наиболѣе интересныя изъ нихъ; но прежде—вѣскольکو словъ о томъ, какимъ путемъ и изъ какихъ источниковъ почерпнуты свѣдѣнія, сообщаемыя въ данномъ Отчетѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что собраніе точныхъ свѣдѣній о вѣроисповѣдныхъ и бытовыхъ особенностяхъ мѣстнаго сектантства есть, вообще говоря, дѣло не легкое; и, разумѣется, не на кого другого, какъ на самого же миссіонера, наиболѣе заинтересованнаго въ собраніи этихъ свѣдѣній¹⁾, падаетъ оно главною своею тяжестью. Правда, для помощи миссіонерамъ въ этомъ дѣлѣ существуютъ въ Ставропольской епархіи особые „развѣдчики“, но каковы бы ни были

1) Для практическаго дѣятеля — миссіонера совѣтъ непріоденъ тотъ схематизмъ, какой обычно свойственъ книжнымъ свѣдѣніямъ о расколѣ и сектанствѣ и который, говоря о типическихъ формахъ того и другого, знать не хочетъ о мѣстныхъ особенностяхъ, иногда весьма важныхъ. Игнорированіе этихъ послѣднихъ легко можетъ повести къ промахамъ и заставить сражаться не съ гѣмъ, противъ чего гѣйствительно должны бы изъ случаевъ быть направлены удары

свѣдѣнія. ими доставляемая ¹⁾, они могутъ быть достаточными лишь для предварительнаго ознакомленія миссіонера съ полемъ его дѣятельности. Болѣе точныя и надежныя свѣдѣнія могутъ быть получены имъ только на мѣстѣ. Относительно способа ихъ собиранія о. Никольскимъ практикуется слѣдующій приемъ: „Прибывая въ извѣстное селеніе.—разсказываетъ онъ—я предлагаю мѣстному старшинѣ оповѣстить селеніе о времени бесѣды, означаю часть, прошу сообщить мнѣ свѣдѣнія: съ какого времени существуетъ секта; кто въ настоящее время ея главные руководители и кто члены ея; гдѣ и когда бывають собранія; принимались ли какія-либо мѣры къ пресѣченію сектантства; если принимались, то кѣмъ и когда; какъ относится православное населеніе къ сектантству и религіознымъ ихъ собраніямъ; не извѣстны ли подробности религіозныхъ упражненій на этихъ собраніяхъ. Различныя лица, по индивидуальнымъ своимъ особенностямъ, по различнымъ, несомнѣнно, побужденіямъ и, пожалуй, вліяніямъ даютъ развохарактерныя отвѣты: иные отвѣчаютъ прямо отрицательно или уклончиво, при совершенной извѣстности имъ существованія секты; другіе сообщаютъ положительныя свѣдѣнія и подробныя, указывая и членовъ секты и главарей, и время, и мѣсто, и особенности собраній“ (стр. 69). Очевидно, полученные такимъ путемъ свѣдѣнія въ свою очередь не могутъ быть признаны вполне удовлетворительными и надежными сами по себѣ. Они восполняются и провѣряются новыми данными, отчасти сообщаемыми о. миссіонеру приходскимъ духовенствомъ и православными мірянами, отчасти добытыми потомъ (го личнымъ наблюденіемъ надъ сектантами при частныхъ и публичныхъ собесѣдованіяхъ съ ними. Не трудно видѣть, что это хлопотливое собираніе свѣдѣній о мѣстномъ сектантствѣ невольно должно отвлекать миссіонера, особенно на первыхъ порахъ, отъ выполненія его собственно—миссіонерскихъ задачъ; но съ этимъ по необходимости приходится мириться: „жаль, что много золотого времени идетъ

1) Въ Отчетѣ нѣтъ подробныхъ указаній, какъ и откуда добываются свѣдѣнія „развѣдчиками“. имѣютъ ли послѣдніе какую-нибудь парочную подготовку къ своему дѣлу, и т. п. Обязанности ихъ указаны въ Инструкціи для миссіонеровъ дѣятелей Ставроп. епархіи (Отчетъ, стр. 69) но намъ она не извѣстна.

на ознакомленіе съ дѣломъ—людьми и мѣстами; но, конечно, *изучать сектантство необходимо, ибо иначе невозможна и борьба съ нимъ*“ (Отчетъ, стр. 58).

Какія же свѣдѣнія — плодъ непосредственнаго изученія условій жизни мѣстнаго сектантства и самыхъ формъ этого послѣдняго—сообщаетъ намъ о. Никольскій въ своемъ Отчетѣ? По этимъ свѣдѣніямъ, Ставропольская епархія, служащая поприщемъ его миссіонерскихъ трудовъ, представляетъ въ высшей степени благодарную и воспріимчивую почву для всякаго рода религіозно-учительной дѣятельности. Религіозные интересы и запросы въ средѣ мѣстнаго населенія обнаруживаютъ себя съ замѣчательною силою. „Народъ хочетъ — жаждетъ сердечной молитвы въ храмѣ Божіемъ, алчетъ искренняго учительства Церкви, ожидаетъ полного самоотверженія отъ священниковъ—пастырей своихъ, требуетъ совершеннѣйшей преданности дѣлу спасенія душъ человѣческихъ, — да будетъ всегда всѣмъ „слуга“ (Мрк. IX, 35), и не формально, а душевно, мыслию, сердцемъ, всѣмъ существомъ, словомъ, дѣломъ, жизнію, поведеніемъ, всего себя отдавши на служеніе Богу и спасенію людей. Здѣсь, на Кавказѣ, въ Ставропольской епархіи, религіозные вопросы такъ волнуютъ умы и сердца людей, что какъ въ древнее время, въ первые вѣка христіанства, о предметахъ вѣры говорятъ въ домахъ, на улицахъ, на площадяхъ,—и это простой, иногда неграмотный народъ. Какъ будто возвратилось время Златоуста. Въ селеніи, въ станицѣ пародъ въ праздникъ, въ будни, толпами спѣшитъ на молитву, на бесѣду; выстаиваетъ недвижимо 7—8 часовъ на сквознякѣ, на холодѣ въ храмѣ и, затаивши дыханіе, 3—4 часа внимааетъ бесѣдѣ проповѣдника“ (стр. 79—80). Безъ сомнѣнія, этотъ высокій подъемъ религіознаго одушевленія, этотъ живой интересъ народа къ вопросамъ вѣры представляетъ самъ по себѣ явленіе весьма оградное; но, къ сожалѣнію, нельзя забыть и того, что при отсутствіи нѣкоторыхъ условій и при наличности другихъ явленіе это можетъ имѣть и свою оборотную сторону. Область вопросовъ религіозной вѣры и жизни, въ своей непостижимой таинственности и необъятной полнотѣ, представляетъ не мало опасности для простаго ума, непривычнаго къ строгой точности богословской мысли и не обладающаго необходи-

мыми знаніями для провѣрки своихъ выводовъ и построеній. Здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-либо, пытливая, но неопытная мысль нуждается въ направленіи и контролѣ со стороны *призванныхъ* руководителей, — лицъ, которымъ поручено дѣло религіозно-церковнаго учительства, т. е. ближайшимъ образомъ—пастырей Церкви. При отсутствіи такого руководства или даже лишь при недостаточности его, — будетъ ли это по винѣ пастыря, или по винѣ самихъ пастырей, — сильно возбужденный, но правильно не удовлетворяемый интересъ послѣднихъ къ вопросамъ религіознаго порядка весьма легко можетъ развѣститься уклоненіемъ отъ прямого пути къ тому или другому виду религіознаго неправомыслія. Съ другой стороны, при излишней экзальтированности религіознаго чувства, при повышенности запросовъ, предъявляемыхъ имъ къ жизни дѣйствительной, темная сторона послѣдней способна производить гораздо болѣе удручающее впечатлѣніе, и не установившаяся, не направляемая надлежащимъ образомъ мысль весьма легко отъ недостатковъ жизни послѣдователей господствующаго религіознаго ученія (православія) можетъ сдѣлать заключеніе къ внутреннему безсилію и несправотѣ самаго ученія ¹⁾). Если при этомъ принять еще во вниманіе, что Кавказскій край и Закавказье давно служатъ мѣстомъ ссылки для нѣкоторыхъ сектантовъ (хлыстовъ, духоборцевъ и др.), которые, разумѣется, и на мѣстахъ новыхъ поселеній не упускаютъ случая, когда и насколько возможно, распространять свое лжеученіе, — то существованіе въ названномъ крайѣ вообще, и въ частности—въ Ставропольской епархіи различныхъ видовъ религіозно-сектантскаго неправомыслія, съ болѣе или менѣе значительнымъ числомъ послѣдователей каждаго, станетъ для насъ не только понятнымъ, но даже—можно сказать—неизбѣжными. И дѣйствительно, здѣсь есть, по указаніямъ разсматриваемаго Отчета, и раскольники-старообрядцы (стр. 127), и многочисленные послѣдователи

1) О связи нѣкоторыхъ сектантскихъ ученій съ недостатками жизни въ средѣ православнаго населенія или, по крайней мѣрѣ, о стремленіи послѣдователей этихъ ученій оправдывать упомянутыми недостатками свое обособленіе отъ православной Церкви свидѣтельствуютъ нѣкоторые заявленія сектантовъ, перелагаемые въ разсматриваемомъ Отчетѣ, они будутъ приведены ниже.

мистико-раціоналистическихъ сектъ. Но о первыхъ, т. е. о старообрядцахъ, въ дневникѣ *противосектантскаго* миссіонера, естественно, нѣтъ подробныхъ свѣдѣній. Что же касается мѣстнаго сектантства, то оно крѣпко держится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ епархій, хотя, повидимому, не дѣлаетъ очень замѣтныхъ дальнѣйшихъ успѣховъ, благодаря энергичному противодѣйствию со стороны духовенства, которое—говоря словами о. миссіонера—бодро стоитъ на божественной стражѣ, не давая волкамъ—лжеучителямъ расхищать православное стадо (стр. 82 и др.). Общее число сектантовъ въ Ставропольской епархіи въ Отчетѣ не указано; несомнѣнно, однако, что мѣстное сектантство обильно послѣдователями и разнообразно по своимъ формамъ: есть іудействующие, хлысты, баптисты, духоборцы, молокане...¹⁾

Первая изъ названныхъ сектъ едва ли не самая многочисленная. Собственно говоря, это даже не христіанская секта: послѣдователи ея не вѣруютъ въ Христа-Спасителя и только еще ожидаютъ пришествія Мессіи, царя земного, примирителя, который—по пророчествамъ, неправильно ими истолковываемымъ—соединитъ народы и поведетъ послѣдователей своихъ въ Іерусалимъ изъ земли непріятельской, изъ *страны съвертой*, т. е. изъ Россіи... (стр. 130). Заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя сужденія сектантовъ, которыя вскрываютъ передъ нами жизненно-бытовую подкладку ихъ ученія и—какъ намъ кажется—объясняютъ до извѣстной степени причину его успѣха. На одной изъ бесѣдъ съ іудействующими, когда о. миссіонеръ раскрывалъ мессіанскій

1) Названными, типически-выразившимися и ясно опредѣлившимися сектами, по сообщеніямъ о. С. Никольскаго, дѣло не ограничивается. Въ Отчетѣ его есть указанія, что религіозная мысль народа, вышедшая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ-подъ церковнаго руководства, отыскиваетъ себѣ новые пути и выработываетъ новыя формы, очевидно—не удовлетворяясь существующими. Таково, напр., ученіе нѣкогого Затолокина, пропагандирующаго свое ученіе въ с. Шинкишѣ. Воззрѣнія его, по свѣдѣніямъ, собраннымъ о. миссіонеромъ, слѣдующія: занеже крещенія—простое окупанье въ воду, надѣ причащеніемъ смѣсся.. о священствѣ, извращая евангельское сказаніе о Закхѣ, выражается такъ: изъ-за поповъ Христа не видно народу... Невольно слышится въ данныхъ разсужденіяхъ Затолокина воззрѣнія А. Н. Толстого въ его „Издѣловіи догматическаго богословія“ (попытное изданіе). Очевидно, Затолокинъ основываетъ новую ектл.—опъ хлысть-голосовецъ (Отчетъ, стр. 29, см. еще стр. 42)

смысль пророчества патріарха Іакова о „Примирителѣ“ (Быт. XLIX, 10), изъясняя его въ примѣненіи къ І. Христу, выступилъ старикъ-сектантъ, уже 45 лѣтъ отвергшійся Христа и принявшій обрѣзаніе. „Христось пришелъ и миръ принесъ, говорите вы“, возразилъ онъ миссіонеру: „а мира что-то нѣтъ на землѣ, одна злоба“. — Да, да, заговорили многіе субботники (другое названіе іудействующихъ): мира нѣтъ; нѣтъ! *Это не Христось приходилъ*“ (стр. 10). Случай, изложенный нами, сообщается въ Отчетѣ безъ всякихъ поясненій и выводовъ; онъ, кажется, и разсказанъ случайно и мимоходомъ—просто, какъ одна изъ подробностей бесѣды; но на нашъ взглядъ онъ характеренъ и значителенъ. Онъ какъ нельзя болѣе подтверждаетъ одну мысль, высказанную нами выше, — мысль о связи нѣкоторыхъ сектанскихъ ученій съ недостатками жизни въ окружающей, въ частности—и православной средѣ. Въ самомъ дѣлѣ, приведенныя заявленія показываютъ, что исходнымъ пунктомъ для теоретическихъ воззрѣній сектантовъ—іудействующихъ, ихъ вѣроученія, служитъ обыденный и общій фактъ преобладанія проявленій вражды и насилія въ сферахъ человѣческихъ отношеній надъ проявленіями мира и любви. Темныя стороны жизни, болѣзненно дѣйствуя на неустановившуюся мысль и нѣсколько экзальтированное чувство простыхъ людей, ищущихъ правды, но не утвержденныхъ на единственно-правомъ пути ея исканія, пробуждаютъ въ ихъ душѣ недовѣріе къ обновляющей жизнь силѣ христіанства и невѣріе въ Божественный характеръ личности и дѣла его Основателя, что собственно мы и видимъ въ сектѣ іудействующихъ. Но приведенный нами случай—не единственный въ этомъ родѣ. Въ томъ же Отчетѣ о. Никольскаго мы встрѣчаемъ и другой подобный; только на этотъ разъ переть нами выступаютъ уже не іудействующіе, а одинъ изъ наставниковъ хлыстовской секты. Сущность дѣла отъ этого, впрочемъ, не измѣняется, а только расширяется область наблюденія и соотвѣтственно этому расширяется опирающаяся на немъ мысль до степени болѣе общаго положенія. На бесѣдѣ въ с. Медвѣдскомъ — центрѣ хлыстовства въ Ставропольской епархіи—наставникъ этой секты, человѣкъ, по видимому, психически не совсѣмъ нормальный, но искренній, подошелъ къ о. миссіонеру, „поклонился, принялъ бла-

гословеніе и тихо начать свою длинную повѣсть о томъ, какъ онъ пришелъ къ мысли завести собранія для чтенія слова Божія и молитвы; онъ говорилъ о развратѣ въ мірѣ, о кулачныхъ бояхъ, о пьянствѣ, о табакокурѣніи и прочихъ недостаткахъ народной жизни въ с. Медвѣдскомъ; „и вотъ я нашелъ брата, который одинаково со мной думаю, что такъ не подобаетъ жить, потому другого, третьяго, стали собираться: пѣть, читать.—жизнь пошла лучше; стали люди къ намъ ходить: грядущаго не гонимъ“... стр. 52). Здѣсь снова передъ нами недостатки и темпы стороны жизни народной выступаютъ, какъ первый поводъ къ уклоненію отдѣльныхъ личностей на путь своеизмышленнаго благочестія, къ особымъ религіознымъ упражненіямъ, при недостаткѣ надлежащаго руководительства сплошь да рядомъ принимающимъ анти-церковный, сектантскій характеръ (какъ это было и въ приведенномъ сейчасъ случаѣ). Итакъ, вотъ гдѣ, а не въ теоретическихъ ошибкахъ пониманія источниковъ христіанскаго ученія кроется настоящій корень нѣкоторыхъ но крайней мѣрѣ сектантскихъ заблужденій и одно изъ главныхъ условій ихъ успѣха въ народной средѣ. Народъ нашъ искони смотритъ на религію, на христіанство, на православіе прежде всего—съ *жизненной* стороны: онъ ищетъ здѣсь той силы, которая должна обновить и очистить грѣховную жизнь, ищетъ въ „книгахъ богоблагодатнаго закона“ отвѣта на самый главный для себя вопросъ: „како своя душа спасти“; правдивно-практическіе идеалы праведности для него ближе и понятнѣе, чѣмъ догматическія истины и религіозныя умозрѣнія.—и онъ болѣе обнаруживаетъ склонности судить не о фактахъ жизни по началамъ вѣры, а наоборотъ. Мысль о правой вѣрѣ въ его сознаніи гѣсно связывается въ представленіемъ о праведной жизни, о благочестивомъ подвигѣ: оттого онъ невольно поддается равнодушію, невольно становится холоднымъ и безучастнымъ къ церковному ученію, когда не видитъ проявленій его силы и дѣйствительности въ жизни его представителей. Но на этомъ дѣло не останавливается:

Душа нищи своей дожидается,

Душѣ нужно жажду утолить.

нужно найти отвѣтъ на ея тревожные запросы о томъ, гдѣ же и каковъ истинный путь спасенія; и вотъ искатель этого

пути или ударяется въ какіе-нибудь — иногда довольно странные ¹⁾—подвиги самоизмышленной святости, или—что бываетъ гораздо чаще—уклоняется въ одну изъ сектъ, обольщающихъ простыя души формами показного благочестія. Мы уже видѣли раньше (при обзорѣни Отчета Тамб. миссіонерск. Братства), что первоначальный успѣхъ баптизма въ средѣ православнаго населенія въ значительной степени создавался представленіемъ о святости жизни его послѣдователей, и что обаяніе его стало быстро падать по мѣрѣ того, какъ между сектантами стали все чаще и чаще обнаруживаться факты, подрывавшіе молву объ этой мнимой святости. Все это невольно наводитъ на мысль, что для успѣшнаго противодѣйствія сектантству—этому по истинѣ колоссу на глиняныхъ ногахъ, грозно несущемуся на насъ—кромѣ всѣхъ обычныхъ миссіонерскихъ средствъ и *прежде* ихъ необходимо всестороннее обновленіе и возвышеніе нравственнаго уровня жизни самого православнаго народа. Нужно представить воочію,—не въ отвлеченныхъ только разсужденіяхъ и словахъ, а въ живой дѣйствительности и въ возможной полнотѣ—тотъ жизненно религіозный идеаль, за который мы боремся, чтобы стало ясно его дѣйствительное превосходство предъ всякою ложою сектантскихъ самоизмысленій, и чтобы самый идеаль этотъ сталъ неизмѣнно близокъ, дорогъ и святъ для нашего народа. Мысль эта не нами высказывается въ первый разъ, и не отъ недостатка напоминаній о ней происходитъ то, что еще далека она отъ осуществленія... Но возвратимся къ сообщеніямъ о. Никольскаго объ іудействующихъ. Послѣдователи этой секты въ Ставропольской епархіи дѣлятся на два толка: одни въ своей религіозной жизни и ученіи строго держатся „Закона“ и другихъ священныхъ ветхозавѣтныхъ писаній, другіе сверхъ того принимаютъ талмудъ. Тѣ и другіе имѣютъ своихъ руководителей и по мѣстамъ—синагоги. Въ обоихъ толкахъ читаютъ „тору“ и на сврейскомъ языкѣ, увлекаясь, впрочемъ, лишь *звуками* его; да и такимъ знаніемъ обладаютъ не многіе. Обычно же для изъясненія писанія іудей-

¹⁾ См. напр. случай, рассказанный въ статьѣ *А. Прувина*—Значеніе сектанства въ русской народнои жизни, —Русск. Мысль, 1881, кн. 1, стр.

ствующіе пользуются вѣнскимъ изданіемъ Ветхаго Завѣта въ русскомъ переводѣ „для употребленія евреямъ“, а на бесѣдахъ обращаются и къ другимъ изданіямъ русской Библии и даже славянской, если надѣются найти въ нихъ больше оправданія для своихъ религіозныхъ мнѣній: „очевидно, люди стремятся слово Божіе подогнуть къ своимъ мыслямъ, а не свои мысли расположить согласно указанію слова Божія“ (стр. 169). Кромѣ библейско-ветхозавѣтныхъ книгъ и отчасти—предписаній таіумуда они имѣютъ еще слѣдующія вѣроучительныя и богослужебныя книги: „Пространный еврейскій катихизисъ, религіозно-нравственная, законоучебная книга, сост. Б. Л. Сегаль, Одесса 1888 г.“ „Еврейскій молитвословъ въ русскомъ переводѣ съ еврейскимъ текстомъ. О. Я. Гуревича, изд. М. Р. Ромма, Вильна 1885“ и нѣкоторыя другія ¹⁾. Въ отношеніяхъ своихъ къ православному и въ частности къ миссіонеру іудействующіе въ настоящее время, по видимому, не проявляютъ замѣтной нетерпимости и вражды (стр. 122)... Любопытны сообщаемыя въ Отчетѣ свѣдѣнія о религіозныхъ обрядностяхъ сектантовъ при рожденіи, бракѣ и смерти человѣка (стр. 91—2); но чтобы не увеличивать слишкомъ объема настоящей статьи, и безъ того оказывающейся очень обширною, приводить ихъ не будемъ, отсылая интересующихся къ самому Отчету о. Никольскаго.

Другая широко распространенная въ Ставропольской епархіи секта—хлысты (мѣстное названіе: „кадушники“ или „кадушечники“,—стр. 57). По видимому, секта эта имѣетъ здѣсь нѣсколько видовъ, различающихся по характеру отношеній своихъ послѣдователей къ православной Церкви и ея іерархіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ хлысты не стѣсняются заявлять свои мнѣнія открыто въ бесѣдахъ съ пра-

¹⁾ Въ Отчетѣ о. С. Никольскаго подробно указывается содержаніе двухъ наименованныхъ, употребляемыхъ іудействующими, книгъ (стр. 11—12). Заслуживаетъ вниманія одна изъ утреннихъ молитвъ еврейскаго молитвослова: „Отче нашъ, Царь нашъ! мы согрѣшили предъ Тобою, Отче нашъ, Царь нашъ! вѣтъ у насъ Владыки, кромѣ Тебя! Отче нашъ, Царь нашъ, погунай съ нами ради имени Твоего. Отче нашъ, Царь нашъ! иносносимъ готъ благополучія Отче нашъ, Царь нашъ! отмѣни все неблагопріятныя для насъ постановленія; уничтожь казни враговъ нашихъ. Отче нашъ, Царь нашъ! прости и изгладь все наши грѣхи“ (стр. 13 Отчета).

пославными: „ваша церковь—говорятъ они—попова мельница; попь-слѣпой: самъ погнбъ и васъ въ погнбелъ ведеть: у васъ церковь вселенская, а у насъ апостольская“ (Отчетъ, стр. 44). Въ другихъ мѣстахъ они гораздо сдержаннѣе: по крайней мѣрѣ, въ бесѣдѣ съ миссіонеромъ главари названной секты въ одномъ изъ приходоу увѣряли, что они „не бѣгутъ отъ православной Церкви, любятъ ее, къ службамъ ходятъ усердно и толгъ христіанскій исполняютъ каждагодно, и если имѣютъ собранія, такъ единственно изъ желанія себѣ и другимъ душевнаго спасенія“ (стр. 48—9); на собраніяхъ читаютъ св. писаніе и поютъ духовные стихи... Насколько искренни эти и имъ подобныя заявленія сектантоу о своихъ отношеніяхъ къ православной Церкви и о характерѣ своихъ молитвенныхъ собраній, рѣшить, конечно, трудно. Обыкновенно въ нихъ заподозриваютъ лицемеріе, тайное желаніе скрыть свои дѣйствительные взгляды подъ личиною благочестія, — и весьма возможно, что во многихъ случаяхъ подозрѣніе это справедливо. Его подтверждаетъ таинственность, какою бываютъ иногда окружены эти яко-бы невинныя молитвенныя собранія ¹⁾, а также свѣдѣнія кое о чемъ происходящемъ на нихъ, показывающія, что упомянутыя собранія вовсе не такъ неукоризненны въ религіозномъ отношеніи и безупречны въ правствennomъ ²⁾. Однако, мы полагаемъ всетаки, что слишкомъ широ-

¹⁾ По свѣдѣніямъ, полученнымъ о миссіонеромъ отъ начальства одной станицы, „собранія хлыстовъ совершаются вообще тайно, въ болѣе скрытыхъ мѣстахъ отъ православнаго народа, при томъ дома, гдѣ они собираются, охраняются наружнымъ сторожемъ, которій при всякомъ появленіи вблизи дома кого либо не изъ ихъ секты даетъ знакъ собранію особымъ знакомъ; тогда все ихъ дѣйствіе прекращается, и все находившіеся въ домѣ превращаются въ гостей“ (Отчетъ, стр. 206). Свѣдѣнія эти чего-либо новаго не представляютъ, но они лишній разъ подтверждаютъ то, что вообще извѣстно о таинственности хлыстовскихъ собраній.

²⁾ Имѣемъ въ виду свѣдѣнія о такъ называемыхъ „радннцахъ“ хлыстовъ и о „духовной любви“ на этихъ радннцахъ, выражающейся въ совершенно не—духовномъ явленіи, именуемомъ „свальнымъ грѣхомъ“. По словамъ о. Никольскаго, даже одинъ изъ хлыстовскихъ наставниковъ въ частной бесѣдѣ не скрылъ отъ него, что бываетъ и это въ собраніяхъ“ (стр. 67).—Что касается „духовныхъ стихоу“, расннваемыхъ на сектантскихъ собраніяхъ и приводимыхъ отрывками въ Отчетѣ (стр. 66—7), въ качествѣ указаній на даже тусую подробность хлыстовскихъ собраній, то мы болѣе склонны думать, что стихи эти— не хлыстовскіе а скороче-

кія, не допускающія исключеній обобщенія на этотъ счетъ были бы едва-ли справедливы. Дѣло въ томъ, что религіозно-вѣроисповѣдная, какъ и религіозно-бытовая сторона нашего сектантства, въ особенности — мистическаго, отличается большою неустойчивостью и — какъ сказать — гекучестью, что и неизбѣжно по самому существу дѣла. Сектантство, говоря вообще, есть уклоненіе отъ православной истины въ области мысли и жизни; но уклоненіе это—въ какомъ бы направленіи ни шло оно—можетъ представлять различныя степени, выражаясь не только въ своихъ типическихъ, окончательныхъ формахъ (которыя однѣ собственно и принимаются обыкновенно во вниманіе при общемъ сужденіи о той или другой сектѣ), но и въ цѣломъ родѣ промежуточныхъ, въ которыхъ заблужденіе сказывается не столь рѣзко, и рознь съ православіемъ заявляетъ себя еще довольно слабо и перѣшительно. Какъ мы уже замѣчали выше, живая дѣйствительность въ этомъ случаѣ далеко не представляетъ того схематизма, съ рѣзко выраженными чертами и признаками, какой обыченъ и *неизбѣженъ* въ книжныхъ свѣдѣніяхъ о сектантствѣ, имѣющихъ свою задачею отмѣтить типическія, вполне опредѣлившіяся формы этого послѣдняго. Оттого въ дѣйствительности принадлежность изв. лицъ къ той или другой сектѣ вовсе еще не даетъ неоспоримаго основанія приписывать кружку *этихъ* лицъ *все* то, что намъ извѣстно относительно данной секты вообще, ея ученія и ея религіозно-бытового строя ¹⁾. То,

екіе, наводящіе на подозрѣніе о существованіи именно этой секты гдѣ-то, гдѣ они расцѣваются на тайныхъ собраніяхъ. Впрочемъ, высказываемъ это только какъ свою догадку или предположеніе, можетъ быть—и ошибочное. Кстати, по поводу этихъ отрывковъ невольно напрашивается пожеланіе, чтобы всѣ подобнаго рода матеріалы, становящіеся извѣстными противосектантскимъ нашимъ дѣятелямъ, полностью обнародовались въ ихъ отчетахъ, какъ весьма важный источникъ для ученія сектантскихъ ученій, исторіи и быта.

¹⁾ Въ настоящее время эта мысль столь часто забываемая даже лицами, специально занимающимися изученіемъ нашего сектантства, при сужденіяхъ о немъ, можно сказать, признана и официально. Разумѣемъ рѣшеніе Сенага отъ 7-го ноября 1895 г. по дѣлу о тарусскихъ хлыстахъ, изъ котораго обнаруживается, что признаніе принадлежности изв. лицъ въ названной сектѣ отнокъ еще не влечетъ за собою, по взгляду Сенага вмѣстѣ съ глѣзъ и признаніе ихъ виновности въ некоторыхъ подлежащихъ

что свойственно данной формѣ сектантства въ *крайней* ея развитіи, можетъ быть совершенно чуждо другимъ ея подраздѣленіямъ, представляющимъ менѣе значительное отклоненіе отъ православія, хотя все-таки отклоненіе идущее въ томъ же направленіи и могущее въ послѣдствіи принять тѣ же рѣзкія, типически-опредѣленныя формы. Впрочемъ возможно, поэтому, допустить и въ средѣ хлыстовства Ставропольской епархіи существованіе такихъ промежуточныхъ формъ, въ которыхъ отношенія къ православной Церкви еще чужды той крайней исключительности, какая замѣчается въ другихъ случаяхъ, и религиозныя собранія еще не получили специально-хлыстовскаго характера, съ изступленными „радѣньями“ и т. п. Вѣдь не сразу же, въ самомъ дѣлѣ, у всѣхъ уклоняющихся хотя бы въ то же хлыстовство окончательно и безстыдно порывается связь съ Церковью и исчезаютъ религиозныя навыки, создавшіеся подъ ея руководствомъ. Начало уклоненія въ многихъ случаяхъ, какъ намъ кажется, самымъ уклоняющимся совершенно искренно должно представляться просто какъ невинное и вполнѣ похвальное стремленіе, сохраняя формы благочестія церковнаго, восполнить ихъ еще нѣкоторыми

уголовному наказанію изувѣривъ и привноправственныхъ дѣйствіяхъ, существованіе которыхъ у хлыстовъ отмѣчается въ любомъ печатномъ изслѣдованіи о нихъ, но ничѣмъ не удостовѣрено въ примѣненіи къ настоящему случаю. Очевидно, въ основѣ свѣдѣнія лежатъ та самая мысль о разнообразіи дѣйствительно-существующихъ видовъ и степеней данной секты, въ противоположность схематизму и общности книжныхъ свѣдѣній о ней, которую мы отмѣтили выше. Пасколько эта мысль далека еще отъ общаго признанія, можно видѣть изъ разсужденій экспертовъ по названному дѣлу о зарусскихъ хлыстахъ (они извѣстны намъ по печатному извлеченію изъ обвинительнаго акта, любезно сообщенному намъ однимъ изъ нашихъ знакомыхъ): въ своихъ сужденіяхъ о виновности лицъ, привлеченныхъ къ суду по нѣкоторымъ весьма важнымъ пунктамъ обвинения (напр. относительно „свѣдѣнаго грѣха“) эксперты основывались не столько на фактахъ, тобишь предварительномъ слѣдствіи, сколько на общихъ книжныхъ свѣдѣніяхъ о хлыстахъ, и свои заключенія располагали иногда по слѣдующей схемѣ: хотя 10-10 и 10-10 ничѣмъ не удостовѣрено въ примѣненіи къ настоящему случаю, но такъ какъ извѣстно, что у хлыстовъ данное явленіе существуетъ, а эти лица привлечены къ суду въ качествѣ хлыстовъ и, повидимому, дѣйствительно хлысты, то и у нихъ существованіе этого явленія должно признавать несомнѣннымъ и доказаннымъ. О степени правдивости и основательности ли подобныхъ заключеній говорить, конечно, излишне.

особыми религіозными упражненіями ради душевнаго спасенія своего и другихъ. Въ дѣйствительности, конечно, бываетъ не мало случаевъ, когда простые люди, съ горячею, экзальтированою вѣрою, съ искреннимъ, хотя—быть можетъ—не достаточно осторожнымъ въ своихъ проявленіяхъ чувствомъ благочестія, не находя выхода и удовлетворенія ему въ обычныхъ, общихъ формахъ церковной молитвы, устраиваютъ домашнія молитвенныя собранія, гдѣ читаютъ Писаніе, поютъ духовные стихи, ближе и понятнѣе для ихъ души выражающіе ея настроеніе, вовсе не думая чрезъ это разрозниться съ Церковью и отдѣлиться отъ нея. Подобные случаи, по нашему мнѣнію, требуютъ большой осторожности; и едва-ли было бы справедливо и благоразумно отнестись къ нимъ съ рѣзкимъ осужденіемъ и всецѣло отрицательно: тутъ есть всегда опасность оскорбить живое и искреннее религіозное чувство и забросить въ сердце вѣрующаго простена зерно недовольства, которое можетъ принести свой горькій плодъ. Не находя законнаго и дозволеннаго выхода своему повышенному благочестивому чувству, человѣкъ легко можетъ вступить на путь незаконный и ложный—на путь сектантскаго удовлетворенія этого чувства внѣ Церкви и ея руководства. Это необходимо имѣть въ виду, между прочимъ, нашимъ противосектантскимъ дѣятелямъ, когда имъ случится имѣть дѣло съ заявленіями, подобными тѣмъ, по поводу которыхъ высказываются нами всѣ эти соображенія. Какъ отнестись съ заявленіямъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ принадлежности къ сектѣ, но увѣряющихъ, что ихъ молитвенныя собранія по домамъ имѣютъ характеръ вполнѣ невинныхъ и благочестивыхъ религіозныхъ упражненій, и—разумѣется—въ такомъ же видѣ выставляющихъ свои собранія въ глазахъ соблазняемаго ими православнаго населенія? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ приведемъ одинъ разговоръ, происшедшій у о. Никольскаго съ сектантами по этому поводу. „Что же, нельзя ужъ ни молиться намъ, ни слово Божіе читать въ домахъ?“ спросили его собесѣдники и потомъ заговорили обычную хвалу себѣ и своимъ собраніямъ: что они не въ кабакъ зовутъ, не вино пить собираютъ, не пѣсни пѣтъ и проч.—. Все это такъ: и почитать божественное, и помолиться—дѣлю хорошее; только соблюдайте одно условіе:

скажитесь священнику, своему пастырю, когда и гдѣ вы намѣрены собираться для своихъ благочестивыхъ упражненій—чтенія слова Божія и молитвы, примите его благословеніе,—кто воспрепятствуетъ вамъ дѣлать *доброе* дѣло?“. Мѣстный священникъ съ своей стороны предложилъ собираться въ праздники и воскресные дни въ номѣщеніи церковно-приходской школы, гдѣ онъ можетъ наблюдать за собраніями и руководить ими. Собесѣдники-сектанты должны были изъявить согласіе на это предложеніе, хотя—повидимому—были не особенно имъ довольны ¹⁾). Такое рѣ-

¹⁾ Отчетъ, стр. 48 (ср. еще подобный же отвѣтъ на просьбу сектантовъ о дозволеніи имъ собираться для чтенія св. Писанія,—стр. 27—8) Заявляя о такомъ согласіи, они вмѣстѣ съ тѣмъ просили позволенія вѣсть въ этомъ собраніи—въ училищѣ—„духовныя псалмы“ изъ книги, которую тутъ же и представили. Это—„Благоговѣйныя чувства души, стремящейся къ Богу, или духовныя псалмы, собранныя въ назиданіе христіанъ, отъ разныхъ богоугодной жизни старцевъ, затворниковъ и пустышниковъ, Кіево-Печерской Лавры іеромонахомъ, блаженныя памяти Владиміромъ Мусатовымъ; изданіе четвертое, печ. въ Кіево Печерской Лавры типографіи, 1873 года, по разрѣшенію С.-Петербургскаго духовно-цензурнаго комитета отъ 4 февраля 1873 года“. О миссіонеръ съ благоразумною осторожностію не смелъ возможнымъ тотчасъ же на свои страхъ дать такое разрѣшеніе конечно, потому главнымъ образомъ, что для этого необходимо предварительное разсмотрѣніе содержанія представленныхъ сектантами „духовныхъ псалмовъ“, онъ посоветовалъ просителямъ употребить церковныя пѣсни. А о ихъ просьбѣ общалъ довелъ до свѣдѣнія мѣстнаго архипастыря, на его благоусмотрѣніе. И въ своемъ Отчетѣ по этому поводу замѣчаетъ слѣдующее: „Къ намъ сектантовъ пѣть псалмы наводитъ на мысль: надобно имъ дать что-либо для пѣнія, вмѣсто ихъ псалмовъ и кантовъ, напр.: „Псалмы избранныя св. царя и пр. Давида, переложеныя стихотворною рѣчью извѣстными русскими полами“, М. 1895, н. 15 коп. или: „Псалтирь, стихотворное переложеніе пр. и царя Давида“ Спб. 1874, н. 40 коп., хотя въ этомъ рѣдъ было бы самое лучшее—„Псалтирь, стихотворное переложеніе псалмовъ пророка и царя Давида, съ объясненіемъ историческаго, таинственнаго или нравственнаго смысла псалмовъ“. Спб. 1874 г., н. 1 р. 50 к.: между прочимъ, могъ бы служить замѣной кантовъ—„Сборникъ духовныхъ стихотвореній“, изданіе 4е Александро-Невскаго общежительнаго монастыря, Вятка 1891 г. Что-нибудь подобное, а указать надобно: сектанты въ себѣ любятъ домашнее пѣніе „духовнаго“—и баншеты, и молokane, и хлысты, какъ извѣстно по опыту и мнѣ лично, беречь отъ нихъ ихъ „псалмы, канты“, убѣждая ихъ оставить это пѣніе, — надобно дать имъ что-нибудь въ замѣну, убѣждая ихъ дѣлать вмѣсто одной—вредной игрушки другую—безвредную, полезную“ (стр. 50). Собрание дѣльное и заслуживающее полного вниманія.

шеніе вопроса, поставленнаго сектантами, на нашъ взглядъ — самое правильное и благоразумное. Совершенное запрещеніе домашнихъ собраній для упражненій въ молитвѣ и чтеніи слова Божія, хотя бы и начинающихъ, повидимому, получать сектантскій оттѣнокъ, во всякомъ случаѣ не прекратило бы этихъ собраній; между тѣмъ оно могло бы произвести неблагопріятное впечатлѣніе даже на православныхъ — на темный людъ, который не всегда вѣдь окажется въ состояніи понять, что запрещается не молитва и благочестіе, а ложное направленіе послѣдняго; между тѣмъ, сектанты могутъ искусно воспользоваться этимъ недоумѣніемъ въ свою пользу. При превращеніи же подобнаго рода собраній въ открытыя, подъ руководствомъ мѣстныхъ пастырей, дѣло получаетъ иной видъ. Такія собранія не могутъ получить неадекватнаго направленія; вмѣстѣ съ тѣмъ, они съ полной ясностію показали бы истинный характеръ собственно-сектантскихъ собраній, если бы таковыя все-таки не прекратились, и изъ православныхъ для каждаго, даже просвѣта, становилось бы ясно, что ученіе лицъ, уклоняющихся отъ открытыхъ собраній и устрояющихъ свои собственные, тайныя, есть ученіе не церковное, кроющееся отъ свѣта, ложное, — что происходящее на этихъ тайныхъ собраніяхъ есть вовсе не невинное благочестивое упражненіе, а грѣхъ противъ церковной истины. Такой способъ противодѣйствія сектантскимъ собраніямъ, по нашему мнѣнію, достойнѣе самъ по себѣ и вѣрнѣе приведетъ къ цѣли, чѣмъ заявляемое нѣкоторыми миссіонерскими дѣятелями стремленіе примѣнить въ подобныхъ случаяхъ „какія нибудь и гражданскія мѣры“ (см. Отчетъ Тамб. мисс. Братства, стр. 22)... Но мы уклонились въ сторону, заговоривши о мѣрахъ противодѣйствія сектантству и вообще о желательномъ характерѣ отношеній къ нему миссіонерскихъ дѣятелей, о чемъ у насъ предполагается еще рѣчь впереди. Возвращаемся къ ставропольскимъ хлыстамъ.—Во главѣ хлыстовскихъ общинъ, какъ извѣстно, стоятъ наставники—христы, пророки и т. п.; съ однимъ изъ такихъ наставниковъ, личною довольно интересною въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, знакомитъ насъ разсматриваемый Отчетъ. О. миссіонеръ увидалъ этого наставника впервые на бесѣдѣ, происходившей въ церкви: женщины, присутствовавшія на бесѣдѣ, обратили его вни-

маніе на одного мужчину, называя его наставникомъ секты. Это былъ человѣкъ лѣтъ 35—40 отъ роду. „Онъ стоялъ посреди́ церкви съ сложенными крестомъ руками, со взоромъ устремленнымъ кверху въ одну точку, худой, желтый, изможденный, и ни слова не произносилъ на всѣ заявленія о немъ. Женщины хотѣли было насильно подвести его ко мнѣ,—разсказываетъ о. Никольскій: но я *остановилъ и сказалъ*; „*Нельзя заставить говорить человека, когда онъ не хочет*“. Тогда Ѳеодоръ Львовъ Абалмасовъ—имя сектанта—подошелъ къ миссіонеру и тихо началъ разсказъ свой о темныхъ явленіяхъ мѣстной народной жизни, подъ впечатлѣніемъ которыхъ у него возникла первая мысль завести собранія для чтенія слова Божія и молитвы,—тотъ самый разсказъ, о которомъ мы упоминали выше (стр. 341—2). Въ дальнѣйшей бесѣдѣ миссіонера съ хлыстовскимъ наставникомъ уяснились нѣкоторыя воззрѣнія послѣдняго и самая личность его. „Человѣкъ старше писанія“, сказалъ Ѳеодоръ и, развивая эту мысль, довольно опредѣленно заявилъ, по словамъ о. миссіонера, что онъ—Ѳеодоръ—лучше писанія можетъ указать, что нужно и что не нужно для спасенія души. „Что ты, Ѳеодоръ, говоришь?“ сказала Абалмасову о. Алексѣй (сосѣдній священникъ, присутствовавшій на бесѣдѣ): „къмъ ты себя уже считаешь?“—Онъ батюшка, хотѣлъ на небо вознестись въ Вознесеніе Господне, сказали въ народѣ.—„Правда это?“ спросилъ Ѳеодора о. Алексѣй.—Правда, отвѣтилъ Ѳеодоръ.—„Такъ что же не вознесся?“ спросилъ о. Алексѣй.—Дьяконъ Ѳоменко помѣшалъ, сказалъ Ѳеодоръ. Оказывается, во время литіи, когда священнослужители находились среди храма, Ѳеодоръ поднялъ руки, изображая готовность вознестись; о. дьяконъ остановилъ выходку безумца.—„Видишь, брате, говорю я (о. Никольскій), свое безсиліе“...Что же, еще, значить мнѣ *не дано свыше*, сказалъ Ѳеодоръ.—„А вотъ о. дьякону, значить, говорю, *дано свыше*, что имѣлъ власть удержать тебя“. Ѳеодоръ просилъ позволенія бесѣдовать въ домѣ, не при народѣ. Онъ, замѣтно, имѣетъ въ своей средѣ вліяніе, и это кружитъ ему голову настолько, что онъ считаетъ себя посланникомъ свыше. Неоднократно, разсказываютъ, принималъ на себя роль пророка и, обвѣсившись мочалами, тряпками, съ посохомъ въ рукѣ, являлся

обличителемъ православной молодежи во время невинныхъ развлеченій на улицахъ и образно преподавалъ наставленія: напр., воткнетъ сухую палку въ снѣгъ, положить при ней топоръ и спрашиваетъ: что надо сдѣлать съ этой сухой палкой? Изрубить и сжечь, говорятъ. Такъ вотъ васъ „богъ отецъ“ сожжетъ огнемъ негасимымъ, какъ изсохшія деревья“... Бесѣду на единѣ съ Абалмасовымъ о. миссіонеръ сполна не приводитъ; но сообщаетъ нѣкоторыя подробности, дополняя вышеприведенное еще нѣсколькими чертами. При разсужденіи о воплощеніи Сына Божія, когда миссіонеръ указалъ на родословіе І. Христа въ 1 гл. ев. отъ Маттея, Ѳеодоръ сказалъ: „это надо понимать духовно; можетъ быть—это описаны и мои предки... Вотъ и вознесеніе мое, говорилъ онъ, тоже: я хотѣлъ духовно вознестись, а не тѣлесно, а народъ невѣжда не понимаетъ, что можно духомъ вознестись до третьяго неба... Желалъ бы я написать истинно духовнымъ людямъ, продолжалъ онъ, попросилъ бы ихъ *понять меня*: не знаешь ли ты кого изъ своихъ?“ спросилъ онъ собесѣдника; тотъ назвалъ „Благослови написать“, сказалъ Ѳеодоръ, и заплакалъ. „Міръ, говорилъ онъ, погибаетъ въ грѣхѣ!...“ и повалился въ ноги, прибавивъ: спасайся... (стр. 52—56). Очевидно, Ѳеодоръ Абалмасовъ—наставникъ хлыстовъ—человѣкъ по своему благочестивый, но „вконецъ развинтившійся“, по выраженію о. Никольскаго, душевно и физически, ставшій жалкимъ психопатомъ, маньякомъ, благодаря тѣмъ нелѣпымъ, изступленнымъ упражненіямъ—„радѣньямъ“—какія происходятъ на хлыстовскихъ молитвенныхъ собраніяхъ... Невольно возбуждается грусть въ душѣ при мысли о томъ, сколько живыхъ силъ народныхъ гибнетъ бесплодно и обращается во вредъ себѣ и другимъ, не находя себѣ иного, бо лѣе разумнаго и правильнаго выхода...

Относительно другихъ сектъ, существующихъ въ Ставропольской епархіи, въ Отчетѣ о. Никольскаго встрѣчаются лишь краткія упоминанія; болѣе подробныхъ свѣдѣній о нихъ нѣтъ—потому, очевидно, что въ миссіонерскихъ поѣздкахъ, описанныхъ въ дневникѣ, вниманіе о. миссіонера останавливалось почти исключительно на тѣхъ двухъ сектахъ, о которыхъ сообщенія мы воспроизвели выше.

Кромѣ свѣдѣній о мѣстномъ сектантствѣ не безынте-

ресны для насъ и тѣ страницы разсматриваемой книжки, которыя обрисовываютъ предъ нами характеръ миссіонерской дѣятельности ея автора, взглядъ его на задачи этой дѣятельности, практикуемые имъ приемы отношеній къ сектантамъ и т. п. Во всемъ этомъ есть не мало интереснаго и даже поучительнаго.

Свой взглядъ на задачи миссіонерской дѣятельности о. Никольскій высказываетъ въ Отчетѣ съ полною опредѣленностію. „Есть еще не мало людей православныхъ, которые миссіонерство вообще, и особенно антисектантское понимаютъ лишь какъ говореніе бесѣдъ, собесѣдованіе—и только, полагая всю надежду въ вопросѣ вразумленія и обращенія заблудшихъ на силу убѣдительности формальнаго (?) слова состязанія“ (стр. 218). Съ пониманіемъ дѣла нашъ авторъ не соглашается, признавая его узкимъ и одностороннимъ. „Я всегда—говоритъ онъ—преслѣдую въ исполненіи моихъ миссіонерскихъ обязанностей двоякую цѣль: вразумлять заблудшихъ и столько же, если не болѣе, Богу помогающе, утверждать вѣрныхъ чадъ Христовой Церкви въ истинахъ православной вѣры“ (стр. 60). Вторая изъ этихъ задачъ, разумѣется, достигается не столько опроверженіемъ сектантскихъ заблужденій, сколько положительнымъ раскрытіемъ церковнаго ученія, въ цѣляхъ укрѣпленія его въ сознаніи вѣрующихъ. Такой взглядъ нельзя не признать совершенно правильнымъ по существу. Никто не станетъ отрицать, что предохраненіе православныхъ чадъ церкви, путемъ раскрытія имъ ея истиннаго ученія, отъ увлеченій какимъ-либо лжеученіемъ по меньшей мѣрѣ—не стоитъ въ противорѣчій съ прямою и ближайшею задачею собственно—миссіонерскаго дѣла: борьбы съ существующими уже уклоненіями отъ Церкви въ религиозное неправомысліе и обращенія уклонившихся. Да и въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ прямое и положительное раскрытіе высокихъ истинъ православія, на нашъ взглядъ, не рѣдко можетъ быть гораздо полезнѣе и плодотворнѣе рѣзкихъ обличеній неправомыслія и длинныхъ словопреній о нихъ. Вѣдь, и самое уклоненіе отъ православія на тотъ или другой путь неправомыслія—въ расколъ или въ сектантство—существеннымъ образомъ обусловливается, кромѣ извѣстныхъ и уже отмѣченныхъ нами раньше жизненно-бытовыхъ причинъ, недостаточнымъ знаніемъ укло-

няющихся касательно отвергаемыхъ ими истинъ православія, недостаточнымъ и невѣрнымъ пониманіемъ ихъ. Православіе есть истина; а истинѣ, ясно и правильно сознанной, не можетъ быть предпочтено заблужденіе. Отсюда слѣдуетъ, что положительное раскрытіе православнаго ученія есть могущественное средство не только для предотвращения православныхъ отъ уклоненій въ сектанство и расколъ, но и для возвращенія самихъ заблуждающихся къ правильному пониманію этого ученія и къ единству церковному. — Но не одно только теоретическое раскрытіе православныхъ истинъ — положительнымъ ли путемъ или отрицательнымъ — въ проповѣдническомъ миссіонерскомъ словѣ необходимо для успѣха этого дѣла; нужно, чтобы вся совокупность фактовъ, изъ которыхъ складывается дѣятельность миссіонера и въ которыхъ проявляется его отношеніе къ заблуждающимся, производила жизненное впечатлѣніе на этихъ послѣднихъ, разрушая ихъ предубѣжденіе противъ проповѣдника православія, какъ врага истины и ихъ собственнаго врага. И въ этомъ отношеніи мы имѣемъ возможность съ искреннимъ сочувствіемъ отмѣтить нѣкоторыя черты, характеризующія противосектантскую дѣятельность ставропольскаго о. миссіонера, насколько можно судить о ней по его Отчету. „Я поставилъ себѣ долгомъ, — пишетъ онъ, — прежде всякаго слова проповѣди непремѣнно молиться съ мѣстными священно-церковно-служителями и православнымъ народомъ, въ крайнемъ случаѣ — хоть молебнымъ пѣніемъ; если же только есть возможность, то неуклонно — за богослуженіемъ, совершая его, по согласію, съ мѣстнымъ настоятелемъ церкви“ (стр. 136); иногда при этомъ вмѣстѣ съ предстоящимъ народомъ разучиваются и тутъ же исполняются церковныя пѣснопѣнія и молитвы, входяція въ составъ литургіи и всенощнаго бдѣнія (стр. 3 и др.). Безъ сомнѣнія, такой образъ дѣйствій о. миссіонера долженъ производить весьма благопріятное впечатлѣніе на массу народную, въ особенности — при томъ высокомъ подъемѣ религіознаго настроенія въ ней, о которомъ упоминалось выше ¹⁾).

1) Здѣсь же кстати считаемъ уместнымъ съ похвалою отмѣтить тотъ полный взаимнаго согласія, довѣрія и любви характеръ отношеній между о. миссіонеромъ и мѣстнымъ духовенствомъ, который неоднократно засвидѣтельствованъ въ Отчетѣ — въ отрывахъ миссіонера о приходскомъ духовенствѣ и его пастырской дѣятельности. Къ сожалѣнію, насколько намъ

Съ богослуженіемъ обычно соединяется и проповѣдь—охранительнаго или обличительнаго содержанія, смотря по обстоятельствамъ. Нельзя не подивиться при этомъ необычайной энергіи о. миссіонера въ дѣлѣ божественнаго проповѣданія, о которой можно составить себѣ представленіе хотя бы по слѣдующей записи дневника: „28 января—воскресенье. Я здѣсь, въ Александровѣ, совершилъ утромъ всенощное бдѣніе и, по великомъ славословіи, бесѣдовалъ о второмъ пришествіи Господа І. Христа, когда св. ангелы, по повелѣнію Владыки Бога, соберутъ на судъ всѣ соблазны міра. Потомъ совершилъ божественную литургію и въ словѣ проповѣди сосредоточилъ вниманіе слушателей на признакахъ времени второго пришествія Господа и на предостереженіи Спасителя вѣрующимъ въ Него... Вечеромъ, въ 3 часа по полудни, я совершилъ вечерню, читалъ акаѳистъ въ честь Иверской иконы Божіей Матери и еще разъ бесѣдовалъ на слова пророчества Христова: возстанутъ лжехристи и лжепророцы... Вечеръ провелъ въ миссіонерской бесѣдѣ въ д. мѣстнаго церковнаго ктитора, гдѣ было нѣсколько постороннихъ лицъ, испытывающихъ, какъ они откровенно выразили мнѣ, „прилоги хлыстовъ“ (стр. 78). Приводимъ эту выдержку, между прочимъ, потому, что у насъ едва-ли очень многіе имѣютъ надлежащее представленіе о размѣрахъ труда, лежащаго на миссіонерскихъ дѣятеляхъ и добровольно возлагаемаго на себя ими. Можно бы указать, заимствуя изъ Отчета, не малое число и другихъ подробностей, способныхъ убѣдить каждаго, кто въ этомъ склоненъ былъ бы сомнѣваться, что дѣло миссіонерскаго служенія во многихъ случаяхъ есть подвигъ, и подвигъ довольно тяжелый... Но обратимся къ другимъ, болѣе интереснымъ для насъ свѣдѣніемъ Отчета, уясняющимъ

извѣстно, далеко не вездѣ въ этомъ отношеніи дѣло имѣетъ себя такъ, какъ—по словамъ о. Никольскаго—обстоитъ оно въ Ставропольской епархіи. Между тѣмъ, ничто, кажется, не можетъ въ такой мѣрѣ вредить успѣху противораскольнической и противосектантской дѣятельности, какъ взаимныя недоразумѣнія, пререканія и вообще — отсутствіе добрыхъ отношеній между миссіонеромъ и пастырями приходовъ. Въ особенности неумѣстны всякія заявленія со стороны заѣзжаго миссіонера собственнаго превосходства надъ мѣстнымъ приходскимъ пастыремъ, унижающія послѣдняго и подрывающія его авторитетъ въ паствѣ. Такой миссіонеръ, при всемъ своемъ искусствѣ въ собесѣдованіяхъ, своимъ пріѣздомъ принесетъ больше вреда дѣлу, чѣмъ пользы.

характеръ отношеній о. миссіонера къ сектантамъ. На бесѣдѣ въ одной мѣстности, гдѣ имѣются хлысты, — разсказываетъ о. Никольскій, — „православный народъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: не могутъ ли они что по закону сдѣлать съ сектантами?“ Отвѣтъ о. миссіонера заслуживаетъ того, чтобы на него обратили вниманіе всѣ тѣ, кто могутъ въ своей практикѣ повстрѣчаться съ необходимостью рѣшать если не для себя, то для другихъ подобный вопросъ. „Я отвѣчалъ: *мы стараемся вразумлять заблудшихъ лишь словомъ — и не болѣе; а какъ можетъ поступать общество съ вредными для него членами, этотъ вопросъ можетъ уже разрѣшать свѣтская власть*“ (стр. 56). По нашему мнѣнію, такой отвѣтъ въ подобныхъ случаяхъ есть не только вполне благоразумный, но и единственно возможный для духовнаго дѣятеля. Свѣтская власть, какъ извѣстно, руководясь *своими* соображеніями, устанавливаетъ различныя нормы отношеній къ послѣдователямъ разныхъ сектъ, подвергая ихъ болѣе или менѣе значительнымъ ограниченіямъ гражданскихъ и политическихъ правъ; это — ея дѣло, и *мыслить* ей въ этомъ мы, дѣйствующіе въ области мысли и убѣжденія, не имѣемъ права. Но въ то же время мы должны твердо помнить, что для воздѣйствія на религиозныя убѣжденія и совѣсть у насъ есть свой путь и свои средства, и что обращаясь за содѣйствіемъ *этой* цѣли къ свѣтской власти и поднимая ея руку на заблуждающихся, мы уклоняемся съ своего прямого пути и впадаемъ въ роковую ошибку: ибо наше дѣло — „вразумлять заблудшихъ словомъ — и не болѣе“. Итакъ, не только всякое непосредственное примѣненіе внѣшне-принудительныхъ мѣръ, но и возбужденіе другихъ къ примѣненію ихъ должно быть признано совершенно неумѣстнымъ для миссіонера, какъ способное принести не пользу, а скорѣе — вредъ его дѣлу. Чтобы имѣть право разсчитывать на успѣхъ, миссіонеръ не только не долженъ заявлять себя врагомъ и гонителемъ заблуждающихся, воздвигающимъ противъ нихъ внѣшнюю силу, а напротивъ — долженъ направить всѣ усилія къ тому, чтобы побѣдить ихъ естественное предубѣжденіе — плодъ нашихъ старыхъ ошибокъ — и пробудить въ нихъ чувство довѣрія къ себѣ. Мы легко можемъ представить себѣ то впечатлѣніе, какое долженъ былъ произвести на сектантовъ

одинъ случай, рассказанный въ Отчетѣ. Въ концѣ одной бесѣды, направленной противъ баптистовъ, когда о. миссіонеръ предложилъ желающимъ сказать свое слово, выступили трое и сказали: „говорить мы не будемъ; что мы думали сказать, объ этомъ вы уже говорили. Но вотъ у насъ скорбь какая“, продолжалъ одинъ изъ нихъ: „на дняхъ умеръ у насъ *братъ*, и намъ велѣли похоронить его въ степи, а не на кладбищѣ; мы этимъ весьма опечалены“. — Братіе, отвѣтилъ миссіонеръ: вы держитесь своего „упованія“; кладбище назначено для погребенія православныхъ христіанъ.— „А насъ ужь пусть собаки вырываютъ, намъ и мѣста нѣтъ для погребенія?!“ съ горечью возразилъ баптистъ. Оказалось: это первый случай смерти баптиста. О. миссіонеръ предложилъ причту расположить станичное правленіе отвести мѣсто для погребенія сектантовъ. И правленіе въ тотъ же день нарѣзало квадратъ земли для кладбища сектантамъ—и такъ, что могила недавно похороненнаго баптиста вошла въ этотъ участокъ (стр. 204—5). Нужно ли говорить, что подобный случай, представляющій полную неожиданность для подавленныхъ горемъ, оскорбленныхъ въ своихъ естественныхъ чувствахъ людей,—случай, когда ходатаемъ за нихъ является ихъ предполагаемый врагъ и гонитель, способенъ размягчить самое ожесточенное сердце и сдѣлать гораздо больше, чѣмъ длинныя словопренія, полныя взаимныхъ обличеній и укоризнъ? Да и вообще относительно послѣднихъ пора бы, кажется, признать, что тѣмъ ихъ меньше, тѣмъ лучше, и тѣмъ легче самое сближеніе заблуждающихся съ православною Церковью.

Намъ остается сказать еще два слова по поводу приведенныхъ въ Отчетѣ записей миссіонерскихъ бесѣдъ о. Никольскаго съ сектантами, изложенныхъ—какъ мы уже замѣтили раньше—довольно подробно, иногда почти дословно (см. стр. 14—21, 92—109, 148—160, 161—202). Разумѣется, записаны такимъ образомъ лишь немногія изъ многихъ бесѣдъ, веденныхъ имъ, безъ сомнѣнія—наиболѣе удачныя изъ нихъ. Подробное указаніе содержанія этихъ бесѣдъ считаемъ здѣсь излишнимъ, такъ какъ свѣдѣнія изъ нихъ, интересныя для характеристики мѣстнаго сектантства и пріемовъ противосектантско-миссіонерскаго дѣла, приведены нами

выше, а остальное имѣеть уже болѣе спеціальный интересъ—для лицъ практически ведущихъ миссіонерскую борьбу съ сектантствомъ. Ограничимся поэтому лишь общими замѣчаніями. Общій тонъ бесѣды о. Никольскаго, записанныхъ въ его Отчетѣ, вполне отвѣчаетъ характеру отношеній миссіонера къ сектантамъ, достаточно ясному изъ предыдущаго. Что касается приѣмовъ обличенія сектантскихъ заблужденій, то въ этомъ отношеніи наиболѣе характеристическою является черта, отмѣченная въ замѣчаніи одного православнаго слушателя бесѣды о. Никольскаго, записанномъ въ дневникѣ: „на каждое слово отвѣтъ у него находится въ Библии“ (Отчетъ, стр. 55). Въ раскрытіи положительнаго ученія Церкви, какъ и въ возраженіяхъ сектантамъ въ бесѣдахъ съ послѣдними, есть нѣсколько мѣткихъ и удачныхъ подробностей, которыя могутъ быть не безъинтересны и не бесполезны для лицъ, ведущихъ подобныя же бесѣды,—для нашихъ противосектантскихъ миссіонеровъ, въ особенности для начинающихъ ¹⁾. Это даетъ намъ возможность здѣсь, кстати, еще разъ напомнить то, что было сказано нами выше относительно значенія миссіонерскихъ отчетовъ или дневниковъ для успѣховъ миссіонерскаго дѣла. Подробныя записи миссіонерскихъ бесѣдъ могутъ, безъ сомнѣнія, быть весьма не бесполезны для уясненія какъ самыхъ предметовъ, такъ равно и методовъ полемики противъ раскольническо-сектантскихъ неправомыслий; при постоянномъ же обмѣнѣ подобнаго рода отчетами и записями въ нашей миссіонерской средѣ могъ бы, кажется, довольно скоро и сравнительно легко выработаться и общій нормальный типъ полнаго круга обличительныхъ бесѣдъ противъ

¹⁾ Не можемъ, однако, не отмѣтить и нѣкоторыхъ неудачныхъ, на нашъ взглядъ, подробностей. Къ числу такихъ относимъ, напр., изложенное на стр. 28—9 изъясненіе начала евангелія отъ Іоанна: правильное по существу, но *формъ* своей оно едва-ли можетъ быть понятно для простолюдиновъ-сектантовъ, какъ и православныхъ. Далѣе, неудачнымъ по существу (хотя, быть можетъ, и очень удачнымъ въ смыслѣ приѣма убѣжденія *ad hominem*) представляется намъ толкованіе апокалипсическаго числа 666 (въ смыслѣ „вольводумъ“,—собств. „волнодумъ“) на стр. 76, и не свободнымъ отъ возраженій—разъясненіе библейскаго смысла слова „пророкъ“ на стр. 86 (Замѣчаніе на стр. 75, что персты въ имено-словномъ сложеніи обозначаютъ буквы ІС ХР. конечно, есть простая, хотя весьма неприятная, опечатка).

тѣхъ или другихъ сектантскихъ заблужденій, въ чемъ въ настоящее время чувствуется настоятельная, надлежащимъ образомъ не удовлетворяемая нужда (см. Отчетъ, стр. 45).

На этомъ мы и покончимъ нашъ обзоръ поименованныхъ въ началѣ статьи трехъ миссіонерскихъ отчетовъ. Мы старались извлечь изъ нихъ то важнѣйшее, что—по нашему мнѣнію—могло представлять нѣкоторый общій интересъ въ цѣляхъ уясненія вѣрованій и жизни нѣкоторыхъ отраслей современнаго раскола и сектантства, а также—условія и способовъ миссіонерской борьбы противъ нихъ. Разумѣется, мы передали далеко не все, что сообщаютъ намъ Отчеты; но уже и то, что передано, даетъ довольно ясно понятіе о богатствѣ свѣдѣній, заключающихся въ нихъ. Передъ нами прошелъ длинный рядъ наблюденій, сообщеній и указаній, прямо почерпнутыхъ изъ живой дѣйствительности и ею подсказанныхъ,—рядъ иногда весьма яркихъ, списанныхъ съ натуры картинокъ, обрисовывающихъ современную раскольническо-сектантскую среду, живую обстановку миссіонерской дѣятельности,—рядъ данныхъ, невольно останавливавшихъ на себѣ наше вниманіе и вызывавшихъ на размышленіе по поводу ихъ... Полагаемъ, читатели наши согласятся теперь, что содержаніе миссіонерскихъ отчетовъ вовсе не такъ сухо и безынтересно, какъ можно было бы думать ранѣе ознакомленія съ ними. Что касается насъ лично, то мы свой общій взглядъ на произведенія этого рода уже высказали выше, равно какъ и свои пожеланія широкаго распространенія этихъ произведеній преимущественно въ средѣ нашихъ противораскольническихъ и противосектантскихъ дѣятелей—миссіонеровъ. Значеніе *для нихъ* взаимнаго обмѣна своими наблюденіями надъ жизнью современнаго раскола и сектантства и своею опытностью въ борьбѣ съ ними,—какъ мы старались показать,—слишкомъ несомнѣнно для того, чтобы его можно было осваривать, и слишкомъ велико, чтобы имъ можно было пренебречь. Но исключительно лишь этою средою область распространенія свѣдѣній, даваемыхъ миссіонерскими отчетами, по нашему мнѣнію, не должна ограничиваться. Расколъ и сектантство—слишкомъ крупные факты нашей народной религіозно-обще-

ственной жизни, и потому общество наше, даже и не стоящее близко къ дѣлу борьбы съ ними, не можетъ не интересоваться ихъ современнымъ состояніемъ и оставаться совершенно безучастнымъ въ отношеніи къ нимъ. И интересъ этотъ, несомнѣнно, есть; но существующей погрѣбности вѣрныхъ свѣдѣній о причинахъ и формахъ современныхъ религіозныхъ движеній въ народѣ далеко не въ желательной мѣрѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительное состояніе нашихъ ходячихъ представленій о современномъ расколѣ и сектанствѣ. Проясненію этихъ представленій и могло бы содѣйствовать болѣе широкое распространеніе свѣдѣній, какія даются въ тѣхъ же миссіонерскихъ отчетахъ и которыя обыкновенно остаются достояніемъ лишь немногихъ вольныхъ и невольныхъ читателей ихъ. Но о такомъ распространеніи, очевидно, должны позаботиться кто-либо другіе кромѣ самихъ миссіонерскихъ дѣятелей — собирателей свѣдѣній и составителей миссіонерскихъ отчетовъ. Намъ казалось, что средствомъ для этого могли бы быть — журнальныя обзоры, хотя бы и подобныя тому, какой мы теперь предлагаемъ нашимъ читателямъ. Правда, въ настоящемъ случаѣ обзоръ наше, ограничиваясь всего тремя отчетами, только въ малой степени можетъ служить указанной цѣли: свѣдѣнія наши касаются лишь немногихъ мѣстностей, не каждый Отчетъ даетъ ихъ по всѣмъ тѣмъ пунктамъ, по какимъ даетъ ихъ другой, — и потому въ цѣломъ извлеченныя изъ нихъ данныя все-таки остаются лишь отрывочными, частичными указаніями и не могутъ служить твердымъ основаніемъ для какихъ-нибудь вполне надежныхъ общихъ заключеній и выводовъ. Но это-то именно обстоятельство и наводитъ насъ на одну мысль, точнѣе — на одно пожеланіе, которое мы и позволимъ себѣ высказать здѣсь въ заключеніе. Чтобы было возможно появленіе предполагаемыхъ нами журнальныхъ обзоровъ, нужно, конечно, прежде всего, чтобы органы нашей духовной печати и лица, прикосновенные къ журнальному дѣлу и готовые взять на себя этотъ трудъ, были поставлены въ возможность имѣть подъ руками требующіеся для этого матеріалы, т. е. самые Отчеты миссіонеровъ и миссіонерскихъ Братствъ, обыкновенно попадающіеся теперь въ руки лицъ, интересующихся ими, только болѣе или менѣе случайно. Разумѣется, чѣмъ больше

отчетовъ будетъ входить, въ качествѣ обозрѣваемаго матеріала, въ ихъ обзоры, тѣмъ полнѣе и вѣрнѣе будетъ представленіе о дѣлѣ, создаваемое на основаніи ихъ, — тѣмъ возможно будутъ и широкія обобщенія, соображенія и заключенія о причинахъ и условіяхъ жизни современнаго раскола и сектантства, объ отношеніи ихъ къ Церкви православной и объ отношеніяхъ Церкви и ея дѣятелей къ нимъ. Выходя изъ этихъ соображеній и будучи самымъ служебнымъ положеніемъ своимъ призваны къ изученію нашихъ религіозныхъ неправомыслий и обличенію ихъ, мы рѣшаемся обратиться ко всѣмъ миссіонерскимъ Братствамъ, ко всѣмъ дѣятелямъ въ борьбѣ противъ раскола и сектантства — съ предложеніемъ и просьбою: сообщать всякаго рода свѣдѣнія о современномъ расколѣ и сектантствѣ и о своей миссіонерской дѣятельности противъ нихъ. Мы же — насколько это будетъ зависѣть отъ насъ — обѣщаемъ отнестись къ нимъ съ тѣмъ же сочувственнымъ вниманіемъ, съ какимъ отнеслись и къ тремъ разсмотрѣннымъ нами теперь Отчетамъ. Полагаемъ, что отъ этого можетъ быть нѣкоторая польза для дѣла православной истины, — а къ ней и направляются всѣ наши желанія.

И. Громогласовъ.
